

Сороковые — роковые...

Стихотворение Д. Самойлова «Сороковые»
и повесть В.П. Астафьева «Пастух и пастушка»

В учебной программе нашей школы тема поэзии и прозы Великой Отечественной войны изучается весьма поверхностно. А в этой теме столько великих, а теперь уже оценённых как гениальные произведений — честных, эмоциональных, щемящих. Среди них поэзия Давида Самойлова и проза Виктора Астафьева. Посвятите им урок, посоветуйте детям прочесть повесть «Пастух и пастушка». Они наверняка найдут отклик в детских душах.

**Ирина
Иванченко,**
кандидат
философских
наук

А мы такую книгу прочитали...
С. Орлов

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные...
Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...
А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.
Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.
Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечты и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Наверное, каждый прочитавший это стихотворение Давида Самойлова **«Сороковые»**, написанное в 1961 году, через 20 лет после начала Великой Отечественной войны, ощутит внутреннюю дрожь. Независимо от возраста. Пожилой, прошедший войну, подумает о себе, о своём поколении... Сколько же для них, как и сам поэт, поколения «сороковых-роковых», вместились в эти строки:

И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Вся жизнь прошедшая, вся боль, вся память...

Мой ровесник соотнесёт судьбу свою с судьбой поколения, у которого «война, беда, мечта и юность» совпали.

Юность — это мечта, война — это беда. Какое взаимоисключающее совпадение, какое трагическое совпадение!

Это стихотворение, о котором критик Виктор Чалмаев сказал, что «надолго своеобразным эпиграфом всей фронтовой летописи, лирической и эпической, приумноженной в 60–80-е годы, станут строки Давида Самойлова о «сороковых-роковых», вызывает множество жизненных и литературных ассоциаций.

В моём сознании стихотворение «Сороковые» соотносится с повестью-притчей Виктора Петровича Астафьева, писателя, познавшего и прошедшего через огонь Великой Отечественной, — **«Пастух и пастушка»**. В современной пасторали «Пастух и пастушка» критик В. Курбатов видит художественное открытие писателя в том, «что это до сих пор в определённом смысле единственная пока по взгляду на войну книга ...», где «главное... — это несовместимость войны и жизни». И стихотворение Д. Самойлова вновь и вновь обращает мои мысли к любимому мною произведению, в котором отражено это несопоставимое совпадение; правдиво, честно и с огромной болью рассказано о поколении, в жизнь которого страшной, непоправимой бедой вошла, ворвалась война.

В повести — о том, о чём так пронзительно сказал в своём стихотворении Давид Самойлов: юность, мечта, надежды, любовь и — война, беда, кровь, страдания, смерть.

«Пастух и пастушка». Повесть-притча. Современная пастораль. «И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженому, кося не знавшему», — так начинается повесть Астафьева. Ещё не зная, о чём пойдёт речь, читатель невольно ожидает идиллий, пасторальных мелодий, но ожидает его совсем иное... в «современной пасторали» В. Астафьева — рассказ об одном из самых страшных катаклизмов XX века — Великой Отечественной войне.

«Да, это я на белом свете» — эти слова участника Великой Отечественной войны Д. Самойлова и о себе, и о своём поколении, и о Борисе Костяеве, главном герое повести, командире взвода. Борис — один из тех, чья юность совпала с войной: «Мне самому двадцатый!» И всего-то! Но «война гуляет по России», и Борис — сын представителей самой мирной, самой гуманной профессии на Земле — сын учителей — среди её защитников. Совсем юный...

И уже — орден Красной звезды, медаль «За боевые заслуги» и жёлтенькая нашивка — знак тяжёлого ранения.

«Сороковые, роковые, / Свинцовые, пороховые...». Первая часть повести называется «Бой» и, наверное, не случайно начинается с боя, с крошечного ада, и не только для того, чтобы потом настала пронзительнейшая тишина любви и чувство благоговения перед этой тишиной. Для Астафьева, как и для великого гуманиста Л.Н. Толстого, война — «самое гадкое дело на земле...». И в крошечном аду боя Борису казалось, что «пророк небесный с карающим копьём низвергся на землю, чтобы наказать за варварство людей, образумить их». «Холодом, мраком», а значит, смертью веяло во время рукопашной. Юность и — смерть. «Страшно, когда слово «смерть» делается обиходным...».

«Сороковые, роковые, / Военные и фронтовые...». Астафьев изображает войну как изнуряющий, беспрестанный труд, труд — физический и главное — душевный, невыносимые перегрузки человеческой души на пределе возможного: «Я, мама, был в таком огне, // Что опалил он сердце мне» (Л. Ошанин, 1945).

«А мы такие молодые!» Война не смогла уничтожить в Борисе его юность, его нравственную чистоту, свет. Люся видит его «с безгрешным взглядом», по-мальчишески, по-школьному смущённым. «Светлый ты парень! Почитаю я тебя», — говорит Борису старшина Мохнаков, весь «истратившийся» на войне.

Слова Ярослава Смелякова: «И ты пришла, заслышав ожиданье...» являются эпиграфом второй части повести «Свидание». Война не смогла убить в Борисе его мечту, желание любви и веру в любовь.

«И я с девчонкой балагурю...» Среди войны, беды, крови и смерти вспыхивает самое великое чувство — любовь. «Женщина! Так вот что такое женщина...» Как чудо из чудес вошла в судьбу Бориса женщина — Люся. Наперекор войне вошла мечта. Возвращаясь к детству, Борис вспоминает театр, спектакль о пастухе и пастушке, которые любили друг друга, и говорит Люсе: «И ты знаешь, знаешь, с тех пор я начал чего-то ждать. Я слышу твою музыку... Я слышу тебя...» Из ада войны и смерти, наперекор им, «на фоне жестокой войны и не только на фоне, но и в самом её глубинном течении» произрастает «светозарная, так невоенно бережная любовь лейтенанта Костяева и Люси».

Пасторальность на фоне войны. Взвод Бориса, занявший небольшую деревню, находит старика и старуху, «обнявшихся преданно в смертный час». До войны они пасли колхозный табун — пастух и пастушка — символ повести о внезапной и краткой любви в грохоте и крови войны и вечной разлуке.

«Как это было! Как совпало». Шла война. Наступление продолжалось... «К фронту. Фронт догоняют». Поэтому третьей части повести предшествуют строки лирики вагантов, напоминающие влюблённым о том, что наступает утро и сказочная, неповторимая ночь уходит в небытие и влюблённых ожидает горестный момент прощания. Борис и Люся расстаются. И жажда жизни покидает Бориса, потому что он узнал любовь, то есть созидание, жизнь, а

война — разрушение, смерть — эту любовь убивает каждое мгновение. «Несовместимость войны и жизни... И войну уже нельзя было ни отменить, ни избыть...».

«И жизни нет и мукам — краю» — это эпитафия четвёртой части повести, в которой в одном из очередных боёв Бориса «ранило в правое плечо осколком мины». Это ранение оказалось для него смертельным... Видимо, Борис не мог уже больше жить среди постоянной смерти. Не случайно он задаёт себе вопрос: «Зачем? Для чего? Убивать или быть убитым?» И восклицает: «Не-ет, не-ет, нет!» «Восстание жизни против самого существа войны».

Из прифронтового госпиталя Бориса отправляют в госпиталь тыловой.

«Гудят накатанные рельсы. Просторно. Холодно. Высоко». «Движение поезда как бы вобрало его в себя...». Безмерная тоска по Люсе делает Бориса нежизнестойким: «Просто тут, — показал на грудь Борис, — выболело». Но он так молод! Читая повесть, всё надеешься, что Борис останется жив, что ветер и весенняя гроза воскресят его и дадут силы для жизни. «...Борису также дышалось свободно, легко... Гроза взволновала его. И он... прикрыл глаза вздрагивающими веками, прикрыл и ощутил вдруг, что сердце, встрепенувшееся от грозы, тоже успокаивалось. ...Поезд оторвался от земли, от рельсов, тоже уходил, нет, плыл за край плоской земли, в тихий мрак». «Такое лёгкое ранение, а он умер», — удивляется медсестра санитарного поезда. Чудес не бывает. Неумолим «неразборчивый, всепожирающий огонь войны» (В.П. Астафьев «Прокляты и убиты»). Война сделала своё дело. Война — беда...

Война не дала состояться пасторали. Повесть начинается и заканчивается рассказом об одинокой женщине с печальными глазами, которая на маленьком полустанке посреди России у хребта Урала опустилась на колени перед могилой единственно любимого: «Как долго я искала тебя!» Немолодая уже женщина. Но годы не затмили силу её памяти и любви. Воистину, «любовь никогда не перестает» (Апостол Павел, 1; 13).

Жизнь, юность, мечта, любовь и война, беда, смерть — нет более ужасного сближения антагонистически несовместимых понятий. И это утверждает в своей повести-притче «Пастух и пастушка» В.П. Астафьев, один из тех солдат и молодых лейтенантов «с передовой, кого Бог, может, для того и вывел целыми, чтобы было кому свидетельствовать о миновавшем без уклончивости». Храня память о полёгших на войне и чувствуя ответственность перед теми, «кому историю и матушку-Россию дальше на себе везти», обращаясь к тем, кто живёт сейчас и будет жить после нас, страстным словом своим писатель проклиная войну, призывает людей мира жить в мире, чтобы никогда не совпали «война, беда, мечта и юность», чтобы никогда не повторились

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые...
Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...